

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АНОТАЦІЯ

У статті розкриваються примітні моменти формування та функціонування політики в епоху Середньовіччя, взаємодії її з релігією, протиборства світської і церковної влади, представлений найбільш цікавий досвід політичної діяльності і громадського самоврядування.

Ключові слова: політика, Середньовіччя, релігія, політика, самоврядування.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются примечательные моменты формирования и функционирования политики в эпоху Средневековья, взаимодействия ее с религией, противоборства светской и церковной властей, представлен наиболее интересный опыт политической деятельности и общественного самоуправления.

Ключевые слова: политика, Средневековье, религия, политика, самоуправление.

SUMMARY

The article reveals the remarkable moments of formation and functioning of politics in the Middle Ages, its interaction with religion, warfare secular and ecclesiastical authorities, the most interesting experience in politics and self-government.

Keywords: politics, the Middle Ages, religion, politics, self-government.

Рассматривая политику как относительно самостоятельный процесс, особый вид социального управления, следует отметить, что в эпоху Средневековья она приобрела определенные черты. Сложилось, в основном, два направления в теории и практике государственной и общественной деятельности. Первое связано с формированием абсолютистских монархий, а второе – с развитием общественного самоуправления. К сожалению, первое, опирающееся на насилие, быстрее развивалось, чем второе, хотя в основе его находились солидарность, взаимопомощь. Поэтому не случайно периоды мирной жизни в Средневековье слабо представлены. Да и сама история как наука уделяет больше внимания войнам, чем периодам мирной жизни, поэтому все последующие поколения людей вырастают на идеологии и психологии войны, а не единства. Вместе с тем степень абсолютизма в разных регионах мира была разной. Так, возникновение ислама и образование Арабского халифата отмечено формированием наиболее жесткого абсолютизма, так как в отличие от Западной Европы, где имелось противоборство между светской и духовной властями, здесь полностью светская власть была подчинена религиозной и наиболее яркое развитие получила теократия. Видимо, по этой причине самоуправление было представлено, в основном, в учениях арабских философов. Частично они представлены в учении о Добродетельном Граде Аль-Фараби, который он описывает как общество без насилия и рабства, без войн и вражды, где царствует дружба и взаимопомощь между гражданами и где правит просвещенный монарх-философ. При той большой роли, которую должен играть предводитель, он считал, что не меньшее значение имеют горожане, опирающиеся на знания, которые, будучи по природе надындивидуальными, превращаются в могучее средство самоуправления. «Добродетельный Град – это сообщество людей, которые располагают точным знанием об истинном счастье и путях его достижения и действуют в соответствии с этим знанием» [3, с.82]. Вместе с тем возглавлять город должен руководитель, которому присущи здоровье, чистая совесть, проницательный разум, сила убеждения, порядочность по отношению к подчиненным. Интересные мысли о самоуправлении содержатся в «Трактатах» Чистых Братьев о Духовном Граде. Они считали, что жители этого города должны обладать четырьмя свойствами:

«Во-первых, каждый из них должен обладать разумом, различающим между дурным и прекрасным. Во-вторых, он должен подражать Законоустановителю – Первому Главе Духовного Града в делах, словах и поступках. В-третьих, у каждого должен быть завет Законоустановителя, который он регулярно должен изучать. В-четвертых, в каждой группе жителей должен быть свой руководитель, знающий законоустановление и направляющий членов группы на его исполнение. Если эти условия исполнены, Духовный Град, по-видимому, считается созданным и более в Законоустановителе не нуждается. «Разумные и добрые» его жители, руководствуясь разумом и подражая Законоустановителю, могут обойтись без главы и предводителя» [3, с.116-117]. Этим самым Чистые Братья предлагают путь разрешения противоречия, в нашем случае, между политикой и общественным самоуправлением, когда наблюдается обострение их отношений из-за того, что первое чревато бюрократизмом, а второе – некомпетентностью, указывающий на то, что государство в этом взаимодействии прежде всего обязано научить своих граждан науке и искусству управления, а затем постепенно передать свои функции управления в руки общества. Однако наряду с этим Чистые Братья уделяли большое внимание и личностному самоуправлению. «Знай, – писали они, – что тело ведомо, а душа ведущая. Если душа натренирована в управлении своим телом так, как это требуется, то она может управлять семьей, слугами и рабами. Тот же, кто справедливо управляет своей семьей, может управлять и своим племенем. А тот, кто управляет, как требуется, своим племенем, может управлять и населением целого города» [3, с.137].

Возвращаясь к живой жизни средневековой Европы, следует отметить, что после распада Римской империи, пика абсолютизма возникло состояние хаоса, смуты, поиска новых форм или видов управления. Примечательно, что в такие периоды жизни народов, сам народ берет ответственность на себя за установление порядка в стране. Поэтому эти пороговые ситуации в истории людей порождают интересные самостоятельные инициативы, формы общественного развития и требуют особого изучения.

В этом плане замечательным явлением средневековой культуры стало возникновение и развитие городов. В чем-то эти города подобны античным городам, а в чем-то значительно отличаются. Их история также отмечена расцветами и падениями, так как свою самостоятельность им пришлось отстаивать в жестокой внутренней и внешней борьбе. Однако противопоставили они этой первой диалектической составляющей вторую – взаимопомощь, единство и доказали, что взаимопомощь может быть важнее борьбы. Это прекрасно раскрыл в своей книге Кропоткин П.А. «Взаимная помощь как фактор эволюции общества», в том числе и на примере средневековых городов. Возникает парадоксальная ситуация, почему человечество больше опирается в своей жизни на открытые Г. Дарвином и К. Марксом законы борьбы как законы выживания, а не на законы взаимной помощи, более гуманные и более привлекательные и представляющие более перспективное направление развития человечества.

Однако, как следует из анализа П.А. Кропоткина, города возникли не на пустом месте, им предшествовала деревенская община варваров, для которой, как ни привычно думать, дороже был мир, чем война. Поэтому деревенская община наработала много норм и правил общинного самоуправления, которые были позаимствованы городами. «Они выработали свою систему, – писал он, – возмездия за причиненные обиды, вместо древней родовой мести... Как только возникала ссора между двумя общинниками, в нее немедленно вступалась община, и мирской сход, выслушавши дело, назначал размер виры (wergeld) т.е. возмездия, которое следовало выплатить пострадавшему, или его семье, а равным образом и размер пени (fred) за нарушение мира, которая уплачивалась общине». [4] Трудно не согласиться, что это очень эффективный метод разрешения конфликтов, к сожалению, не осознанный в наше время. Существовал также обычай приглашать для разрешения конфликтов третью сторону – посредника, судью. Естественно, такие мощные самоуправленческие начала противостояли господству феодалов. И поэтому вполне естественно, как писал П.А. Кропоткин: «Укрепленное село восстало против замка

феодалного владельца: сперва оно свергло его власть, затем – напало на него и, наконец, разрушило его. Движение распространилось от одного города к другому; в скором времени в нем приняли участие все европейские города, и не менее чем в сто лет свободные города возникли на берегах Средиземного и Балтийского морей. Атлантического океана и у фиордов Скандинавии; у подножья Апеннин, Альп, Шварцвальда, Грашпианских и Карпатских гор; в равнинах России, Венгрии, Франции и Испании. Везде вспыхивало то же самое восстание, имевшее везде одни и те же черты, везде проходившее через те же фазы и везде приводившее к одним и тем же результатам.

В каждом местечке, где только люди находили, или думали найти некоторую защиту в своих городских стенах, они вступали в «соприкасательство» (*conjurations*), «братство» и «дружество», объединенные одною общею идеею, и смело шли навстречу новой жизни взаимной помощи и свободы. И они успели в осуществлении своих стремлений настолько, что в триста, или четыреста лет вполне изменили самый вид Европы. Они покрыли страну прекрасными роскошными зданиями, являющимся выражением гения свободных союзов свободных людей, зданиями, которых мы до сих пор не превзошли по красоте и выразительности; они оставили в наследие последующим поколениям все искусства и все ремесла, и вся наша современная цивилизация со всеми достигнутыми ею и ожидаемыми в будущем успехами, представляет лишь дальнейшее развитие этого наследия. И когда мы теперь стараемся определить, какие силы произвели эти великие результаты, мы находим их – не в гении индивидуальных героев, не в мощной организации больших государств и не в политических талантах их правителей, но в том же самом потоке взаимной помощи и взаимной поддержки, работу которого мы видели в деревенской общине...». [4]

Такой вывод впечатляет, но надо добавить, что общественное самоуправление во многом стало стимулом развития индивидуальной инициативы.

Вместе с тем существует несколько иная точка зрения на возникновение средневековых городов. Прежде всего постепенное отделение ремесленного труда от сельскохозяйственного. Однако основной причиной стало бегство от безрадостного существования крепостных крестьян из деревни в города, где были созданы более удобные условия для ремесла и торговли. Однако, несомненно, своей самоуправленческой природой город обязан деревенской общине, хотя и привнес много полезного в развитие взаимопомощи, главного ресурса улучшения социального и индивидуального бытия человека. Нельзя относиться к взаимопомощи как благотворительной акции, в ней заложена основа, цементирующая общинное самоуправление. Как показал П.А. Кропоткин: «Это драгоценное право собственной юрисдикции, которое в то время влекло за собой и право на собственную администрацию и на собственное законодательство, сохранилось среди всех столкновений и всех войн, и даже законники, которыми окружил себя Карл Великий, не могли уничтожить это право: они были вынуждены утвердить его... Самое сильное развитие феодализма не могло не сломить этого сопротивления; деревенская община твердо держалась за свои права; и когда в девятом и десятом столетиях, нашествия норманнов, арабов и венгерцев ясно показали, что военные дружины в сущности не в силах охранять страну от набегов, – по всей Европе крестьяне начали укреплять свои поселения каменными стенами и крепостцами. Тысячи укрепленных центров были воздвигнуты тогда, благодаря энергии деревенских общин, а раз вокруг общин воздвигались стены, и в этом новом святилище создались новые общие интересы, – жители быстро поняли, что теперь, за своими стенами, они могут сопротивляться не только нападениям внешних врагов, но и нападениям внутренних врагов, т.е. феодальных владельцев. Тогда новая свободная жизнь начала развиваться внутри этих укреплений. Родился средневековый город». [4]

Следует обратить внимание на то, что городская жизнь стала источником многих интересных инициатив. «Поразительное движение, известное под названием «Божьего мира» (*treuda Dei*), – писал П.А. Кропоткин, – при помощи которого народные массы стремились положить предел бесконечным родовым войнам из-за кровавой мести, продолжавшимся в среде знатных фамилий, зародилось в юных вольных городах, причем епископы и граждане

пытались распространить на дворянство тот мир, который они установили у себя внутри своих городских стен». [4] Здесь обращает на себя внимание то, что горожане выступают в качестве воспитателей по отношению к дворянству. Во-вторых, объединилось светское и религиозное воздействие. Следует отметить, что епископы принимали активное участие в формировании городской жизни, нередко епископов избирали горожане своими судьями, а некоторые из них за большие заслуги признавались святыми того или иного города. Как нам кажется, этот факт мало изучен, так как церковь стремилась отделиться от мирских дел. Надо иметь в виду, что Средневековье – это эпоха всеобщего поклонения Богу. Народное творчество способствовало тому, что в рамках города возникали новые социальные общности. Живописно характеризует такие из них, как гильдии, П.А. Кропоткин. «Ничто не может лучше обрисовать эти средневековые братства, чем те временные гильдии, которые возникали на торговых городах. Когда ганзейский корабль, вышедший в море, пройдет, бывало, первые полдня по выходе из порта, капитан (Schiffer) обыкновенно собирал на палубе весь экипаж и пассажиров и обращался к ним, по свидетельству одного современника, со следующей речью:

«Так как мы теперь находимся в воле Бога и волн», – говорил он, – «то все мы должны быть теперь равны друг другу. И так как мы окружены бурями, высокими волнами, морскими разбойниками и другими опасностями, то мы должны поддерживать строгий порядок, дабы довести наше путешествие до благополучного конца. Поэтому мы должны помолиться о попутном ветре и добром успехе и, согласно морскому закону, избрать тех, которые займут судейские места (Schoffen – stellen)». Вслед за тем экипаж выбирал фогта и четырех scabini, которые и становились судьями. В конце плавания фогт и scabini слагали с себя обязанности и обращались к экипажу со следующей речью: – «Все, что случилось на корабле, мы должны простить друг другу и считать, как бы мертвым (todtund ab sein lassen). Мы судили по справедливости и в интересах правосудия. Поэтому просим вас всех, во имя честного правосудия, забыть всякую злобу, какую можете питать друг на друга и поклясться на хлебе и соли, что не будете вспоминать о прошлом с враждой. Но, если кто-нибудь считает себя обиженным, то пусть он обратится к ландфогту (судье на суше) и до заката солнца просит у него правосудия»... «Этот простой рассказ, – как писал П.А. Кропоткин, – быть может, лучше всего характеризует дух средневековых гильдий. Подобные организации возникали повсюду, где только появлялась группа людей, объединенных каким-нибудь общим делом: рыбаков, охотников, странствующих купцов, строителей, оседлых ремесленников и т.д. Как мы видели, на корабле имела морская власть в руках капитана; но ради успеха общего предприятия, все собравшиеся на корабле, богатые и бедные, хозяева и экипаж, капитан и матросы, соглашались быть просто людьми, обязанными помогать один другому, – и обязывались разрешать все могущие возникнуть между ними несогласия при помощи судей, избранных всеми ими. Точно также, когда некоторое количество ремесленников – каменщиков, плотников, каменотесов и т.п. собиралось вместе для постройки, скажем, собора, то, хотя все они являлись гражданами города, имевшего свою политическую организацию, и хотя каждый из них, кроме того, принадлежал к своему цеху, тем не менее, сойдясь на общем предприятии – на деле, которое они знали лучше других, они соединялись еще в организацию, скрепленную более тесными, хотя и временными узами: они основывали гильдию, артель, для постройки собора. [4] ... Что же касается до братского характера средневековых гильдий, то для выяснения его можно воспользоваться любым гильдейским статутом. Если взять, например, skraa какой-нибудь древней датской гильдии, мы прочтем в ней, во-первых, что в гильдии должны господствовать общие братские чувства; затем идут правила относительно само юрисдикции в гильдии, в случае ссоры между двумя гильдейскими братьями, или же между братом и посторонним; и, наконец, перечисляются общественные обязанности братьев. Если у брата сгорит дом, если он потеряет свое судно, или пострадает во время богомолья, то все братья должны прийти на помощь ему. Если брат опасно заболевает, то два брата должны пребывать у его постели, пока не минует опасность, а если он умрет, то братья должны похоронить его – немаловажная

обязанность в те времена частых эпидемий – и проводить его до церкви и до могилы. После смерти брата, если оказывалось необходимым, они обязаны были позаботиться о его детях; очень часто вдова становилась сестрою в гильдии. [4]

Однако в силу необходимости в разных условиях возникает проблема формирования государственности, т.е. развития политики. Если в античные времена отождествлялись понятия общества и государства в лице городов-полисов, то в Средневековье происходит процесс образования национальных государств, которые уже начинают рассматриваться как органы управления обществом. Возникает проблема, как государство должно управлять обществом? Однако надо иметь в виду, что ответить на этот вопрос невозможно без учета влияния христианства на всю культуру Европы. Прежде всего возник новый подход к пониманию власти, как единства и противоборства двух ее ветвей: религиозной и светской, осознание того, что управлять собой и обществом можно лишь, сверяя свои действия с Богом, что появление земельной собственности, расширяя тем самым рамки личной свободы, усложнило процесс подчинения управляемых управляющим, с одной стороны, а с другой – повысило уровень их активности.

Некоторые вопросы рассмотрения государственности прежде всего находим в творчестве Августина Аврелия в его книге «О граде Божием», где он рассматривает государство как шайку грабителей и убийц, и вместе с тем как необходимое зло. Поэтому для уменьшения этого зла государство должно быть, по его мнению, ограничено религиозно-этическими нормами. Он однозначно считает, что Граду земному должен противостоять Град Божий в лице церкви и что за ним будущее.

У Августина Аврелия находим и мысли о характере насилия присущего политике. По его мнению, власть, вынужденная осуществлять принуждение, не должна опираться на силу (ибо насилие порождает насилие), сила должна быть нравственной и законно обоснована, то есть должна опираться на всенародную поддержку, тогда эта сила, выступая как солидарная сила, включает в себя и отдельную личность, налагающую на себя всеобщую обязанность. Августин Аврелий в своей работе «О Граде Божием» обращается к истории человечества, полагая, что государство должно действовать в соответствии с общим развитием человечества. В связи этим по аналогии с шестью днями создания мира Богом выделяет шесть этапов развития человечества: ребенок, детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Таким образом, Августин Аврелий в понимание истории человечества вводит идею поступательности и линейности общественного развития (а не круговорота), выдвигая в качестве ее цели окончательное становление царства Божьего как периода блаженства.

Августина Аврелия занимала также такая проблема, как война. В связи с этим появилась его концепция справедливой войны как средства защиты людей от нападения. Причиной войн он считал греховность людей, не отрицал возможность участия в ней христиан. Для этого, полагал он, должны быть соблюдены следующие условия:

- война должна иметь справедливую цель – установление правосудия и прекращение беззакония;
- воин должен любить своих врагов и стремиться к их исправлению и спасению их душ;
- война должна проводиться под руководством законных руководителей;
- методы ведения войны должны быть милосердными;
- духовные персоны не должны брать участие в войне.

Таким образом, мы видим правила ослабления такого опасного конфликта, как война, которые имеют методологическое значение.

Особенно много внимания уделил анализу политики и поиску путей ее совершенствования Ф. Аквинский. Основные предметы его исследования государство и власть. При этом он задается вопросом, для чего нужно государство и приходит к выводу, что целью государства должно быть общее благо. Поэтому он усиливает внимание государству, считая его порождением Бога и народа, в связи с этим, по его мнению, власть священна. Однако если правитель приходит к власти несправедливым путем или совершает

злоупотребления, народ вправе свергнуть тирана. Это, видимо, способствовало впоследствии расширению участия народных масс, особенно «третьего сословия» в управлении обществом. На этом пути знаменательным стало появление парламентаризма и «Великой хартии вольностей» (1215 г.), которая значительно ограничила права короля Англии.

Фома Аквинский также выразил свое отношение к войнам. При этом он допускал использование военной силы против агрессоров, однако, как и Августин Аврелий, считал, что их надо любить по-христиански, выдвигая к воюющим следующие требования:

- решение о начале войны должна принимать законно признанная власть;
- войны должны вестись ради справедливого дела;
- правители имеют право прибегать к войне, руководствуясь правильными намерениями.

Следуя Аристотелю, Фома Аквинский рассматривает и сравнивает различные формы государственного управления. Осуждая демократию, он отдает предпочтение монархии, доказывая, что руководитель должен быть один подобно тому, как Бог один во всем мире, душа одна в теле, судном управляет один капитан. При всем почтительном отношении Ф. Аквинского к монархии, ей были присущи многие недостатки, на которые указывает И. Хейзинга: «Жизнь и поступки коронованных особ нередко содержали в себе некий фантастический элемент, напоминающий нам о халифах «Тысячи и одной ночи». Даже пускаясь в хладнокровно рассчитанные политические предприятия, государи то и дело ведут себя с безрассудством и страстностью, из-за мимолетной прихоти подвергая опасности свою жизнь и свои цели. Эдуард III без колебаний ставит под удар себя, принца Уэльского и интересы своей страны только для того, чтобы напасть на несколько судов в отместку за их пиратские действия». [6, с.16] «Искусство правления, – отмечает он, – еще не ограничивается исключительно рамками бюрократии и протокола: в поисках руководящей идеи государь может отклониться от них в любую минуту. Так, в XV столетии при решении государственных дел государи нередко ищут совета у неистовых проповедников, аскетов и духовидцев. И Дионисий Картузианец, и Винцент Феррер выступают как политические советники; известного своими громкими проповедями Оливье Майара, этого французского Брюгмана, привлекают к наиболее конфиденциальным переговорам. Элемент религиозного напряжения, таким образом, активно присутствует в высокой политике». [6, с.16-17] Необходимо отметить, что в политике Средневековья сравнительно большое место занимали не холодный расчет, рациональность, а чувства, особенно страсти, которые иногда перечеркивали собой логику мышления. Так, Й. Хензинга, говоря о политической картине Средневековья, замечает, что в ней «будет не хватать одного важного элемента: пронзительных оттенков тех могучих страстей, которые обуревали в равной степени и государей, и их подданных. Без сомнения, тот или иной элемент страсти присущ и современной политике... Если же подобная страстность сочетается с властностью, – а у государей именно так оно и было – все это проявляется с двойной силой». [6, с. 20]

Видимо, понимая это, Ф. Аквинский выделяет два вида монархии: абсолютную и политическую, рассматривая последнюю как возможность привлечения к управлению крупных феодалов и таким образом рассредоточения власти и ограничения ее законом. Надо обратить внимание на то, что власть он рассматривал как порядок отношений господства и подчинения. При этом он изначально разделяет людей, которые должны заниматься физическим трудом, и тех, чей удел управлять другими, к которым он относил духовенство. В какой-то степени это переключка с Платоном. Он также понимал, что власть, по сути, ведет к порокам, поэтому он считал, что перед монархом должны стоять ограничения: не нарушать христианские нормы и требования законов. Дисциплина же в обществе должна держаться не на страхе перед монархом, а на страхе перед Богом.

Как уже отмечалось, Ф. Аквинский, отдавая приоритет духовной власти по сравнению со светской, все же усилил внимание последней, однако считая, что церковь не должна занимать господствующее положение в пирамиде светской власти, уподобляя ее небесной

иерархии, однако делал некоторые отклонения, допуская, что отдельные представители «третьего сословия», наиболее богатые и сообразительные могут быть представлены в высших кругах. Несколько другую точку зрения на соотношение властей имел ранее Папа Геласий I (492 – 496)), которая получила название «двух шпаг» или «двух мечей», в соответствии с чем обе власти от Бога и, следовательно, являются легитимными. Согласно его учению власти имеют различные задачи: церковь – духовные, а государство – земные. Но оба меча принадлежат церкви. Один она имеет при себе, другой отдает государю для управления земными делами. Сама церковь свой меч не обнажает, но в случае необходимости вершит свой суд через государя.

Заслуживает внимания интересная концепция развития государства, представленная известным арабским философом Ибн-Хальдуном (1332 – 1406 г.г.) в работе «Великая история». В ней он развивает парадоксальную мысль о том, что разделение порождает единство, ссылаясь на то, что специализация видов труда вынуждает людей объединяться, таким образом, косвенно подводит нас к пониманию того, что производство является основой общества. Разделение труда также повышает его производительность, по этой причине возникает излишек произведенного продукта, в связи с чем происходит имущественное расслоение людей, образование публичной власти, необходимость налогов для ее содержания. Однако, указывает он на то, что государство имманентно, самопроизвольно, увеличивая свою власть, истощает общество, что ведет к его гибели. Таким образом, Ибн-Хальдун уже тогда указал на смертельную болезнь государства. Это видно из того, какие пять этапов в развитии государства он видел: «возникновение новой принудительной власти взамен прежней; сосредоточение верховной власти в одних руках после того, как правитель расправится со всеми своими сподвижниками, помогавшими ему прийти к власти; расцвет государства, в котором господствует порядок, спокойствие и уверенность; переход к насилию и деспотическим методам правления оппозиции; упадок и гибель государства». Средство для лечения этой болезни мы находим у Марсилия Падуанского (1275 – 1343 г.г.) в трактате «Защитник мира», где он, обосновывая идею народного суверенитета и правового государства, рассматривал народ не только в качестве источника власти, но и как контролера. Благодаря этому Средневековье стало источником обогащения мировой политической мысли, достижения которой прочно утвердились в общественном сознании современности. К их числу следует отнести также его утверждение о том, что церковь должна быть отделена от государства, мало того он считал, что церковь несет ответственность за все несчастья людей. Поступок исключительно смелый в условиях всеохватывающего господства церкви в обществе. Показательно, что М. Падуанский был ректором Парижского университета, тем самым подтверждая мнение, что университеты играли в средневековой жизни независимую роль. За свое произведение он был отлучен от церкви и заочно приговорен к сожжению на костре. М. Падуанский одним из первых стал разделять законодательную и исполнительской власти, полагая, что первая должна направлять вторую. Он настойчиво пропагандировал принцип выборности при формировании государственных учреждений и даже монарха, а также подбора руководящих кадров.

Более мягко ограничивал государственную власть Джон Фортескью (1395 – 1479 г.г.) в трактате «Похвала законам Англии», полагая, что король не может облагать налогами народ без его согласия.

Своеобразным выглядит путь возникновения национальных государств, который напоминает ступенчатую, пирамидальную матрицу политико-экономических отношений того времени. Как известно, каждый помещик относительно своего поместья и подданных был государем. У кого был больший надел, тот обладал большей властью и повелительными возможностями, чем у тех, у которых был меньший надел. Поэтому менее влиятельные помещики-государи (вассалы) были заинтересованы заключать союзы с более влиятельными помещиками (сюзеренами) для защиты своих интересов. Таким образом, вырастала

пирамида вертикального подчинения, наверху которой возникала фигура верховного правителя-государя.

Интересные соображения формирования политической системы приводит в своей книге «Социология политики» Пьер Бурдьё: «Людовик XIV столь полно отождествлял себя со своей позицией в том гравитационном поле, солнцем которого он являлся, что было также тщетно пытаться определить, что из всех действий, происходивших в поле, было, а что не было продуктом его воли, как пытаться в (исполняемом) музыкальном произведении определить, что является заслугой дирижера, а что – музыкантов оркестра. Его воля к доминированию сама продукт поля, над которым она доминирует и которое все оборачивает в свою пользу: «Приближенные, пленники сетей, расставлявшихся ими друг для друга, как бы поддерживали, так сказать, друг друга в своих позициях, даже если они и переносили саму систему лишь скрепя сердце. Давление, которое оказывали на них нижние или менее привилегированные слои, заставляли их защищать свои привилегии. И наоборот, давление, оказываемое сверху, подталкивало менее удачливых к тому, чтобы избавиться от него, подражая тем, кто достиг более высокой позиции. Другими словами, они вступали в порочный круг соперничества из-за положения. Тот, кто имел право первым войти к королю, подать ему сорочку, презирал того, кто входил третьим и ни под каким предлогом не хотел ни в чем ему уступать, принц чувствовал себя выше герцога, герцог – выше маркиза, а все они вместе, как члены «дворянства» не хотели и не могли уступать простолюдинам, платившим налог. Одна установка порождала другую. Благодаря эффекту действий и противодействий, социальный механизм уравнивался, стабилизировался в некоем нестабильном равновесии». [1, с. 275]

Кроме того, в международном плане государства начали соперничать друг с другом, что вынуждало их заключать союзы, дабы не дать возможность опасному соседу возвыситься. Отсюда появилась идея «политического равновесия», которая породила дипломатию, а также необходимость иметь своих представителей при иностранных дворах, то есть посольства. Считается, что родиной этого явления стала Италия.

Другой особенностью политической карты Средневековья стало расширение разнообразия политических форм управления. В дополнение к традиционным собраниям, на которых решали злободневные вопросы общей жизни, прибавились из-за объединения больших масс людей и территорий представительские собрания, в которых принимали участие не все население, а только выборные представители от той или иной территории.

В связи с этим возникло исторически новое политическое образование – парламент. Считается, что первоначально парламент возник в Исландии в 930 году и имел название Альтинг. Этому способствовали географические факторы. Исландия – это островное государство, где существовала племенная демократия в каждой из областей (тинги). Для того, чтобы избежать междоусобиц, возникла необходимость создания единого управляющего центра (Альтинга), где бы разрешались спорные вопросы и устанавливались бы законодательные нормы. Местом, где собирался Альтинг, стала долина в 40 км. от Рейкьявика. Ежегодно сюда съезжались представители всех родовых кланов Исландии и каждое лето в течение двух недель обсуждали актуальные вопросы. Примечательно, что это происходило на фоне народных праздников, состязаний и т. п. Обсуждение и принятие законов осуществлялось вождями племен, каждый из которых мог иметь двух советников.

Для проведения сессий избирался спикер на 3 года, который имел большие полномочия, чем современные спикеры. Главной его задачей было провозглашение законов, которое на то время имело ритуальный характер. В соответствии с традицией спикер возглавлял ежегодное шествие к «скале законов» в первую субботу Альтинга, после чего новые законы вступали в силу. Таким образом, еще в далекие времена важнейшие акты общественной жизни обосновывались не только рационально, но и утверждались эмоционально.

Английский парламент возник позже в ходе Гражданской войны во времена правления Генриха III в 1265 как результат борьбы с королевской властью. Опираясь на

поддержку традиционного королевского совета, Генрих III потребовал одну треть доходов страны себе, что вызвало яростное возмущение баронов. В ответ на требование короля был созван так называемый «бешеный совет», где ему было отказано. Кроме того в состав совета были допущены представители рыцарства и горожан. Этот новый по составу совет получил название парламент (от франц. слова – «парле» – говорить). Впоследствии подобные парламенты появились в других странах Европы: во Франции – Генеральные штаты, в Испании – кортесы и т.п. Представляют интерес особенности функционирования английского парламента Первая из них состоит в том, что главой парламента являются номинально король или королева, которые, не имея власти, символически олицетворяют единство страны и одновременно воздвигают барьер росту и возвеличению государственной власти. Второй особенностью является наличие двух палат: палаты лордов и палаты общин, что позволяет осуществлять взаимный контроль и, таким образом, расширять самоуправленческие начала парламента. Заслуживает одобрения возможность усиливать представительские интересы населения за счет привлечения в состав палаты общин по два представителя от графства и два представителя от горожан Парламентаризм стал новым шагом в развитии демократии, однако на его примере проявилась сложность политического творчества, где обозначилась не только борьба идей, а и социальная борьба, физическое уничтожение, аморальные действия. Довольно методологически поучительна технология работы английского парламента, недаром его называют «матерью парламента». Детально разработан алгоритм ухода от конфликтов и достижения согласия. Интересные подытоживающие соображения на этот счет содержатся в статье Т.С. Заветной «Британские парламентарские дебаты как тип дискурса». Так, она пишет, что британские дебаты (отметим, что дебаты – это инструмент работы парламента) отличаются рядом особенностей:

– «структурированность – стадии начала и окончания (каждый день работы парламента начинается с молитвы, а заканчивается adjournment debate – дебаты по поводу предложений членов парламента относительно вопросов, которые существуют в электорате, а также проблем общества);

– ограниченное время длительности процедуры – например, question time, продолжается ровно час, adjournment debate – полчаса;

– определенность темы – на каждый день существует программа работы членов парламента, которая включает в себя следующие пункты: молитва, петиции, устные вопросы, срочные заявления, презентация билля и другие;

– прескриптивность смены коммуникативных ролей – во время дебатов Спикер решает, кому из членов парламента выступать следующим: первым выступает член парламента, который поддерживает предложение – motion, в конце его речи желающие встают, чтобы обратить внимание Спикера, однако обычно это не нужно, потому что те, кто хочет выступить предупреждают Спикера заблаговременно; существует возможность прервать выступающего, в этом случае депутат встает и, если член парламента, который произносит речь согласен, он садится и дает слово другому, однако это происходит только в случае согласия; следует также отметить, что члены парламента не имеют права читать подготовленные тексты на вопросы, или речи, это даже запрещается министрам во время question time (разрешается иметь только некоторые заметки);

– ряд словесно-речевых ограничений – во время дебатов запрещается использовать собственные имена, между тем, чтобы обратиться к адресату, член парламента использует такие устоявшиеся формулы, как the hon.

Следует отметить, что только спикер имеет право называть имя члена парламента, когда вызывает его для выступления, или делает замечание по поводу поведения. Также членам парламента запрещается использовать, унижающие достоинство человека, слова и словосочетания, которые являются некорректными или обвиняют оппонента».[2, с.117-118]

Этот опыт очень полезен для становления парламентаризма в Украине. К сожалению, наш парламентар демонстрирует худшие образцы коллективной работы, создается впечатление, что наши депутаты ничего не знают о международном опыте парламентаризма.

Это тем более важно, что в наши дни парламент становится мощным методологическим и воспитательным центром.

В связи с этим возникает сугубо теоретический вопрос о соотношении потенциальных возможностей духовной и светской властей. Пир первом сравнении, надо полагать, что духовная власть является определяющей как изначально содержательная, составляющая идейное богатство народа. Поэтому в идеале союз этих двух ветвей должен быть благотворным, ибо религиозная власть подводит под политику моральные и даже абсолютные ценности. Политика в свою очередь является наиболее важным инструментом внедрения этих ценностей в народное сознание. Казалось бы, Средневековье является наиболее благоприятным периодом, в котором религия и политика находились в тесном взаимодействии. Однако история, за редким исключением, показала, что в реальности гармоничного союза не возникло. Почему так произошло? Более всего на себя обращает внимание такое личностно-социальное качество, как власть. Не трудно догадаться, что власть в том и другом случае стала целью и инструментом обогащения, а не установления гармоничного порядка. Наиболее простой выход из данного положения – отделить церковь от государства. Но это, как показывает жизнь, очень трудно, ибо жить в обществе и быть свободным от общества очень сложная задача. Как понятно, человек существо не самодостаточное, он не может выжить в этом мире, не сотрудничая с другими. И если это сотрудничество носит симметричный характер и базируется на взаимопомощи, то возникает гармоничное общество, а если возникает в отношениях асимметрия, подавление одного человека другим, общество становится жестоким, бесчеловечным. Что же делать в таком положении? Необходимо, чтобы власть в большинстве своем была солидарной, соборной, чтобы каждый человек понимал и ощущал себя причастным к этой власти и находил собственное счастье в объединенном труде. Таким образом, нормой церковной и политической деятельности должна стать не борьба за власть, а умиротворение власти, но это требует осознания каждым членом общества и общей сопричастности к управлению обществом.

Возникает одновременно и другой вопрос: что дало человечеству папство как духовный орган управления? Первый ответ очевиден. Возросла консолидация стран и народов и прежде всего Западной Европы, исповедующих католицизм. Другой ответ: папство способствовало расширению и углублению образованности народов, развитию искусства, литературы, в какой-то степени удерживало светских правителей от злоупотреблений. Вместе с тем папство, борясь за чистоту своей веры, унижало иноверцев, сеяло рознь между народами. Печально также, что папство породило церковный бюрократизм, который подтачивал устои церкви, извращал сущность церковного и социального управления, способствовал распространению неверия широких слоев населения в построение гармоничного и справедливого общества, что нашло широкое распространение в стихах вагантов: «Не о мире мыслит клир, а о жирном пире».

Большое значение в эффективности церковной политики имел авторитет папы, данный ему от Бога, но во многом зависящий от общественного мнения верующих. К сожалению, не всегда папы были на высоте своего положения. На примере истории папства особенно ярко видно, что периоды единства светской и церковной властей намного были благодатнее, чем периоды борьбы между ними. Прежде всего надо сослаться на сотрудничество между папой и императором при Карле Великом. Однако этот союз был в определенной степени вынужденным и взаимно заинтересованным. Отец Карла Пипин Короткий, а затем и сам Карл были заинтересованы в благословении и получении от папы титула императора, а папы вначале Папа Адриан I, а затем Папа Лев III охотно пользовались территориальными и земельными наделами в качестве подарков от королевской власти. Имя Карла Великого (742-814г.г.) окружено легендами, фигура исключительно противоречивая, большую часть своей жизни провел в насильственных войнах, однако его называли христианнейшим монархом, первым европейцем, с его деятельностью связано слово «Европа». При великолепных физических данных и выдающихся умственных способностях

был безграмотным, но очень тяготел к образованию, науке, искусству, просил, чтобы ему вслух читали произведение А. Аврелия «О граде Божьем». Он собрал при своем дворе виднейших того времени ученых, поэтов, литераторов и т.п. Один из них Алкуин (735-604г.г.) видный ученый, поэт, являлся идейным вдохновителем и организатором Каролингского Возрождения. В г. Ахене, резиденции Карла Великого создал Дворцовую академию, которая стала крупным центром распространения классических знаний в Европе, был руководителем кружка, в который входили Карл Великий и другие влиятельные лица. Алкуин был ближайшим советником Карла Великого в реформах образования и богослужения. Карл много сделал по совершенствованию законодательства, изучения латыни, сбора и переписки книг. В первые в государственной практике стал использовать вместо глашатаев и гонцов письма, благодаря чему стало ясно, какое большое значение имеет информация в управлении. В связи с этими и другими нововведениями его называли «светом темных веков», в какой-то степени он заложил основы европейской цивилизации.

Этот исторический пример показывает, что в истории бывают периоды удачного сочетания объективных обстоятельств и субъективных способностей влиятельных правителей.

Другим примером единства церковной и светской властей является деятельность также великого, и первого среди пап получившего такое название, Григорий (540-604г.г.). Жизнь его исключительна. Он оказался перед выбором, чем заниматься политикой или церковной деятельностью. Этот вопрос обострился, когда он был префектом Рима и получил предложение занять церковный пост, что и сделал в соответствии со своими религиозными убеждениями. Будучи очень богатым человеком, он все свое богатство роздал для основания монастырей и на другие благотворительные цели, а свой дворец превратил в монашескую обитель. Наряду с этим он проявил скромность в отпращивании церковных властных полномочий. По его мнению, церковь и империя должны взаимодополнять и смирять друг друга. Во время его правления церковь потратила много средств на восстановление разрушенного хозяйства Римской империи. Многочисленны теоретические труды Григория Великого. Его книга «Правило пастырское», как писал Б. Рассел, «содержавшая наставления епископам, пользовалась огромным влиянием на протяжении всего раннего средневековья...В своем руководстве Григорий дает епископам здравые, чтобы не сказать поразительные наставления, вроде того, что они не должны пренебрегать своими обязанностями. Он указывает им также, что они не должны осуждать своих правителей, но должны беспрестанно напоминать им об опасностях адского огня, если они не будут следовать наставлению церкви». (с.437) Надо отметить, что эта книга во время правления Карла Великого вручалась всем епископам при посвящении в сан. Можно сказать, что она стала одним из первых пособий по управлению.

Григорий Великий остался также в истории как «двоеслов», благодаря тому, что продолжая традиции Сократа и Платона, свои произведения излагал в форме диалогов.

В целом Григорий Великий во многом способствовал тому, что после распада Римская империя стала приобретать былое величие.

Эти два фрагмента из истории Средневековья прекрасно доказывают, что религия и политика не должны противостоять друг другу. Однако в этих двух случаях единства политики и религии есть различие. Карл Великий как политик во многом способствовал развитию христианства, а Григорий Великий вынужден был с целью преодоления разрухи в Римской империи взять в большей мере выполнение политических функций на себя.

Если обратиться к вопросу, какой период Средневековья был наиболее плодотворным, то в литературе находим, что чаще всего называют XIII век, потому что здесь наиболее полно проявилось единство различных сфер жизни: религии, морали, политики, философии. Этот период чаще всего связывают с именами Папы Иннокентия III, св. Франциска Ассизского, императора Фридриха II и знаменитого философа и теолога Ф. Аквинского. Папа Иннокентий способствовал установлению единства восточной и западной церковей, благодаря ему папство достигло особого могущества церкви, хотя как

свидетельствуют факты, это сопровождалось иногда со стороны Папы мерзкими средствами. Но вместе с тем Иннокентий был опекуном Фридриха II и с его помощью впоследствии он был избран императором. Таким образом, Иннокентий имел отношение к самому, как считается, замечательному правителю, хотя потом Фридрих стал ярким противником папства. Но истории, видимо, было угодно, чтобы появился исключительно нравственно чистый человек, основатель «нищенствующих монастырей» Франциск Ассизский, благодаря которому скромный, аскетический, непритязательный образ жизни верующих распространился на разные территории Европы. Таким образом, благодаря св. Франциску Ассизскому авторитет христианства был поднят на первоначальную высоту.

Особого внимания заслуживает император Фридрих II, которого, как отмечает Б. Рассел, еще при жизни называли «чудом мира и изумительным творцом мира». Выступив противником крестовых походов, он мирным путем завоевал Иерусалим, где и был коронован. Это редкий пример, как с помощью мирных переговоров можно добиваться большего, чем посредством войны, в данном случае крестовых походов. Им также был издан новый свод законов, создан университет в Неаполе, он ввел в оборот золотые монеты, ликвидировал внутренние пошлины в торговле, внедрил принцип выборности, опубликовал заметки об особенностях церковного абсолютизма, чего сам не был лишен. Развивал культуру, демонстрировал поэтические задатки.

И последним по изложению, а не по значению был Фома Аквинский, который, опираясь на античную философию и прежде всего Аристотеля, ввел в религию и другие сферы жизни теорию, показав тем самым эвристическую роль системного подхода в понимание действительности.

Таким образом, этот небольшой экскурс в политическую жизнь Средневековья показывает, каким богатым опытом политического творчества оно располагает и что возвращение к прошлому поучительно для настоящего и будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики. – М.: 1993. – 333с.
2. Заветная Т.С. Прерванный полет лингвистической мысли, или все, что я успела написать. – Харьков, – 156с.
3. Игнатенко А.А. В поисках счастья. – М.: «Мысль», 1989. – 254с.
4. Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. – Харьков.: Тип-лит. В.Г. Шепчелевича, 1919. – 231с.
5. Рассел Б. История западной философии. – Ростов-на-Дону. – 991с.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М.: «Наука», 1988. – 540 с.